

Берегись покемонов: символическое сопротивление новой медицинской реальности в российских социальных сетях¹

АЛЕКСАНДРА
АРХИПОВА

«В России объявлен режим ХЗ».

*Анекдот, распространившийся во
время локдауна весной 2020 года*

В июне 2020 года, задолго до начала кампании по вакцинированию населения от COVID-19, медицинские социологи сравнили готовность прививаться будущей вакциной в девятнадцати странах². Россия отказалась лидером по количеству нежелающих вакцинироваться. Еще раньше о высоком уровне сомнений россиян в самых разных вакцинах говорили и медицинские антропологи³. Для тех, кто знает эти исследования, пусть и грустной, но совершенно не удивительной покажется текущая ситуация. В России полностью привилось только 35% россиян (на середину ноября 2021 года), тогда как, например, в США – 68% жителей⁴. Согласно ноябрьскому опросу «Левада-центра»⁵, 45% респондентов по-прежнему не готовы вакцинироваться.

Ситуация, при которой примерно половина населения страны выступает за прививки от коронавируса, а вторая – против, привела к возникновению «холодной гражданской войны», или к *ощущению* «холодной войны»⁶. Внесенный в ноябре

*Александра Сергеевна
Архипова (р. 1976) –
фольклорист, социаль-
ный антрополог, стар-
ший научный сотрудник
Лаборатории теорети-
ческой фольклористики
Школы актуальных
гуманитарных исследо-
ваний РАНХиГС, пригла-
шенный исследователь
Центра Вудро Вильсона
(Вашингтон, США).*

- 1 Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС. Большая благодарность Полине Колозариди за терпение и советы.
- 2 LAZARUS J., RATZAN S., PALAYEW A. ET AL. *A Global Survey of Potential Acceptance of a COVID-19 Vaccine* // *Nature Medicine*. 2021. Vol. 27. № 2. P. 225–228.
- 3 Ожиганова А. А. *Вакцинация: мнения оппонентов // Проблемы сохранения здоровья в условиях Севера и Сибири. Труды по медицинской антропологии*. М., 2009. С. 152–161.
- 4 См. статистику на сайте: <https://gogov.ru/articles/covid-v-stats>.
- 5 *Коронавирус, вакцины и меры* [1 ноября 2021 года] (www.levada.ru/2021/11/01/koronavirus-vaktsina-imeru/) (АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*)
- 6 Хотя в этой статье я описываю российскую ситуацию, хочу подчеркнуть, что она свойственна не только России, хотя в странах Западной Европы и Северной Америки отказов от прививок меньше (<https://gogov.ru/articles/covid-v-stats>). Противостояние, описываемое в этой статье, также анализируется в работе: GERMANI F., BILLER-ANDORNO N. *The Anti-Vaccination Infodemic on Social Media: A Behavioral Analysis* // *PLoS ONE*. 2021. Vol. 16. № 3 (<https://doi.org/10.1371/journal.pone.0247642>).

2021 года в Государственную Думу законопроект о QR-кодах для привитых и переболевших (только с их помощью можно будет пользоваться общественным транспортом или ходить в торговые центры) еще больше поляризовал общество.

В это противостояние втянуты почти все – от домохозяек до членов правительства. Многие россияне ощущают себя на линии фронта и задумываются над вопросом, как надо вести эту войну. Неудивительно, что в ноябре 2021 года участники научно-популярного форума «Ученые против мифов» постоянно спрашивали меня примерно одно и то же: каков собирательный портрет противника прививок (реже – сторонника вакцин), как с ним разговаривать, нужно ли ему объяснять, что он – враг:

«Насколько уместно/корректно антипрививочникам приводить аналогию, что пандемия – это война людей с вирусом и что каждый антипрививочник встает на сторону врага (то есть, по сути, является коллаборационистом, предателем и пособником геноцида)?»⁷

«Холодная гражданская война» ведется с помощью вербального и визуального «оружия» – и этим оружием являются, с одной стороны, страшные слухи, городские легенды об опасных последствиях прививок, листовки, обидные прозвища; а с другой, – анекдоты, пародии на городские легенды, карикатуры, нравоучительные рассказы о печальной участи антипрививочников. В этой статье я хочу разобраться, как устроено символическое сопротивление новой медицинской реальности и с той и с другой стороны, понять его истоки и глубинные причины.

Для этого я и мои коллеги из группы «Мониторинг актуального фольклора» записали более ста интервью⁸ со сторонниками и противниками вакцинации – взрослыми и подростками⁹. Транскрипты интервью затем кодировались и превращались в базу данных.

Одновременно мы с января 2020 года по текущий момент составляли словарь сторонников и противников вакцинации, слухов, народных медицинских советов и других инфодемических текстов о коронавирусе и вакцинации в социальных сетях. Обнаружив новый неологизм или повторяющийся сюжет слуха, мы сначала собирали его варианты (вербальной формы или сюжета). После чего для каждой лексемы и каждого сюжета создавали поисковый запрос из повторяющихся ключевых слов и через анализатор социальных медиа «Медиалогия» за-

7 Вопрос от Светланы С., заданный мне на форуме «Ученые против мифов», проходившем 13–14 ноября 2021 года в Москве (<https://uch.pm/>).

8 Ссылки на интервью я буду давать в квадратных скобках сразу после цитаты, например: [женщина, 61 год, Нальчик, сентябрь 2021 года]. Последняя дата указывает на время, когда состоялось интервью.

9 91 интервью с подростками были записаны в ходе проекта «Ковидное детство».

пускали поиск по этим ключевым словам¹⁰. Таким образом, мы видели, в каком объеме в социальных сетях репостились тексты и слова, отвечающие поисковым запросам. Сейчас наш корпус инфодемических текстов превышает девять миллионов репостов (за период с января 2020-го по октябрь 2021-го), а корпус неологизмов, выражающих отношение к вакцинации и локдауну, – около двух миллионов репостов за июнь–ноябрь 2021-го. Притом это только верхушка айсберга, поскольку «Медиадиалогия» практически не видит данных мессенджеров.

АЛЕКСАНДРА АРХИПОВА
БЕРЕГИСЬ ПОКЕМОНОВ...

Ситуация, при которой примерно половина населения страны выступает за прививки от коронавируса, а вторая – против, привела к возникновению «холодной гражданской войны». В это противостояние втянуты почти все – от домохозяйек до членов правительства.)

И, наконец, для того, чтобы понять, как эти метафоры войны воплощаются в политических действиях, я сделала базу данных по протестам против обязательной вакцинации и введения QR-кодов, которые проходят сейчас – в октябре и ноябре 2021 года – в самых разных регионах России. Сейчас в этой базе собраны сведения о 232 акциях.

СРЯЖАЯСЬ ИЛИ АДАПТИРУЯСЬ: СИМВОЛИЧЕСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ И ДВЕ ЕГО ФУНКЦИИ

«Мир слухов и сплетен – это привилегированный мир, с помощью которого исследователь общества или антрополог может измерить температуру популярных ожиданий»¹¹, – это высказывание принадлежит антропологу Джеймсу Скотту. Почему «привилегированный мир» и почему автор использует медицинскую, даже больничную, метафору? Все началось в конце 1970-х, когда Скотт выбрал своим «антропологическим полем» крестьянскую Малайзию. Во время полевых наблюдений он обратил внимание, как крестьяне, которые не могут себе позволить вступить в прямой конфликт с налоговыми инспекто-

10 О том, как мы собирали эти данные, см.: Архипова А.С., Радченко Д.А., Козлова И.В., Пейгин Б.С., Гаврилова М.В., Петров Н.В. *Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета* // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 231–265.

11 Интервью с Джеймсом Скоттом (<https://gastronomica.org/2017/03/14/an-interview-with-james-c-scott/>). Здесь и далее все переводы цитат сделаны мною.

рами, полицейскими, чиновниками (всеми теми, кого Скотт называет «доминирующим классом»¹²), прибегают к самым разным формам косвенного и – главное, ненасильственного – сопротивления. Кланяясь и приветствуя очередного сборщика налогов, малазийский крестьянин держит «фигу в кармане»: он сделает неприличный жест, понятный только своим, или расскажет в кругу семьи крайне непристойную шутку после его отъезда. Такое ненасильственное сопротивление власти – «оружие слабых» (*weapon of the weak*) – может выражаться в песне, анекдоте, обидных прозвищах и даже в саботаже¹³.

Идею «оружия слабых» Скотт значительно доработал в следующей книге – «Искусство сопротивления»¹⁴. В обществах, в которых присутствует жесткое разделение на «подвластных» (*subordinates*) и «господствующих» (*dominants*) и нет возможности обсуждать конфликты и «спускать пар» прямым путем, развиваются два типа высказываний. Группа «господствующих» заставляет «подвластных» делать максимально лояльные высказывания (*public transcripts*) в публичном пространстве и разыгрывать «спектакли повиновения»¹⁵. Эти публичные транскрипты¹⁶ выражают интересы господствующих групп. Бывшие жители СССР должны сразу вспомнить демонстрации 7 ноября и 1 мая, на которых по разнарядке надо было нести портреты Брежнева и лозунги типа «Спасибо партии за нашу счастливую жизнь»¹⁷.

Вторая форма транскриптов является противоположностью первой. Это высказывания, которые делаются «за кулисами» публичной жизни, в пространстве, недоступном для взгляда власти, где «подвластные» могут собираться и говорить, не опасаясь быть услышанными. В советском случае это кухня, в кубинском – внутренний дворик дома, на итальянских фабриках 1950-х – туалеты¹⁸, а в современном российском – прост-

12 Скотт по своим взглядам близок к неомарксизму, и для него естественно оперировать понятиями «класс» и «доминирующий класс».

13 SCOTT J. *Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven: Yale University Press, 1985.

14 ИДЕМ. *Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. New Haven: Yale University Press, 1990.

15 Ibid. P. 20.

16 Термины Скотта *public/hidden transcripts* довольно часто переводят как «публичные и скрытые послания», однако это не очень точно. Если бы Скотт хотел вложить это значение, он использовал бы термин *message* или *signs*. «Транскрипт» – это не только *послание*, но и расшифровка (как «транскрипт интервью»). *Transcript* у Джеймса Скотта – это и сама шифровка, и дешифровка одновременно.

17 На Кубе в 2000-х, например, когда жены политзаключенных стали устраивать акции «Женщины в белом» (в белых одеждах молча шли по центру Гаваны), то рабочих с окрестных предприятий по разнарядке сгоняли к месту шествия и заставляли громко выкрикивать в их адрес оскорбления (например: «вы – американские проститутки»). Мои кубинские друзья, рассказавшие под моим нажимом про эту практику (а я прожила некоторое время в этой стране), явно стыдились, что такое здесь вообще происходит; более того, они совершенно не хотели, чтобы это записывала в своем блокноте. Тем не менее к таким вещам при Фиделе Кастро их время от времени принуждали.

18 FAVRETTO I. *Toilets and Resistance in Italian Factories in the 1950s* // *Labor History*. 2019. Vol. 60. № 6. P. 646–665.

ранство *Telegram*-канала. Эти разговоры «за кулисами», содержащие прямую критику, не могут быть прямо высказаны «в лицо власти».

АЛЕКСАНДРА АРХИПОВА
БЕРЕГИСЬ ПОКЕМОНОВ...

Между кухонной критикой и публичным выражением лояльности находится некая «серая зона»: это более публичное пространство, чем кухня или дворик, но не демонстрация и не трибуна съезда. Критика власти и недовольство, которые могут в закулисном мире проговариваться открыто, на публике расходятся в виде слегка замаскированных высказываний – сплетен, слухов, шуток, куплетов и сказок (Скотт называет их «скрытыми транскриптами»). Именно поэтому в цитате, приведенной в начале, Скотт говорит о необходимости изучать сплетни и слухи: их распространенность – показатель социального «давления».

Маскировка скрытого транскрипта может происходить по крайней мере двумя путями. Первый способ – это сокрытие содержания (поэтому эти транскрипты двусмысленны, аллегоричны и полны эвфемизмов), а второй – сокрытие автора или отправителя сообщения (посмотрите на граффити вокруг нас). Любимый пример такой маскировки у Скотта – появившиеся в среде североамериканских рабов сказки о братце Кролике, которые, с одной стороны, выглядят как невинные рассказы про животных, а с другой, – представляют собой символическое утверждение господства слабых над сильными.

Важно понимать, что в теории Скотта эта ситуация не статична. Скрытые транскрипты находятся в постоянном движении – они могут покидать пространство кухонь и дворики и проникать в публичное пространство. Появление большого количества скрытых транскриптов – признак, что общество лихорадит (вспомните больничную метафору, с которой мы начали). И, когда скрытые транскрипты пытаются занять место публичных, начинается революция.

Критик¹⁹ может сказать, что маска анонимности или аллегоричности в этих историях крайне условна. В советском анекдоте, распространенном в 1944–1945 годах, Берия приходит на прием к Сталину и слышит, как сидящий в приемной маршал Жуков вполголоса говорит сам себе: «Ах ты черт усатый». Берия бежит докладывать «отцу народов», что Жуков его ругает. Сталин вызывает Жукова, и между ними происходит такой диалог:

Сталин: Вот товарищ Берия говорит, что ви в приемной сказали «черт усатый». Ви кого имели в виду, товарищ Жуков?

Жуков: Конечно же, Гитлера, товарищ Сталин!

Сталин: Очень хорошо, а ви кого имели в виду, товарищ Берия?

19 Конечно, в теории Скотта можно найти немало упрощений, за которые его всячески критиковали, например: GAL S. *Language and the «Arts of Resistance»* // *Cultural Anthropology*. 1995. Vol. 10. P. 405–425; Юрчак А. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 258–326.

В этом анекдоте маршал Жуков выкручивается за счет двусмысленности высказывания. Реальным рассказчикам и слушателям анекдотов в 1930–1950-е так везло гораздо реже: анонимность и аллегоричность политических шуток и историй довольно редко спасала их от жестокого преследования. Тогда зачем нужны эти маски, если они мало что скрывают? Дело не в них самих, видимо, но в их игровом характере, который дает возможность отстраниться от происходящего.

Если читатель дочитал до этих строк, то у него может возникнуть вопрос: какое отношение все сказанное выше имеет к реакции на вакцинацию в российских социальных сетях? Несмотря на некоторую экзотичность материала, самое прямое.

Анекдоты, слухи и городские легенды не просто отражают неприятную реальность – они могут трансформировать понимание этой реальности. Тексты, которые издеваются над сильными, делают реальность гораздо менее страшной и, таким образом, помогают выживать.

Дело в том, что и анекдоты, и слухи, и городские легенды не просто как зеркало отражают неприятную (для их носителя) реальность – они могут трансформировать понимание этой реальности. Тексты, которые выворачивают наизнанку неприятную реальность и издеваются над сильными, делают реальность гораздо менее страшной и, таким образом, помогают выживать. По мнению историка Роберта Терстона, именно в этом заключалась функция советских анекдотов во время Большого террора: «Советские люди смеялись, чтобы сделать свои страхи управляемыми»²⁰. В этом случае фольклорные тексты, высмеивающие власть или содержащие смелые предположения о ее тайных мотивах, не столько выражают скрытое бессильное сопротивление, сколько помогают людям выживать и адаптироваться. И поэтому, как справедливо указывали многие исследователи, те, кто рассказывает анекдоты, совершенно не обязательно являются борцами с режимом, а даже и наоборот²¹.

Итак, адаптивная функция фольклора преобразует страшную, неприемлемую реальность во что-то более понятное –

20 «They laughed to make their fears manageable»: THURSTON R.W. *Social Dimensions of Stalinist Rule: Humor and Terror in the USSR, 1935–1941* // Journal of Social History. 1991. Vol. 24. № 3. P. 554.

21 Об этом писали и Эллиот Оринг, и Алексей Юрчак: ORING E. *Risky Business: Political Jokes under Repressive Regimes* // Western Folklore. 2004. Vol. 63. № 3. P. 209–236; ЮРЧАК А. *Указ. соч.*

то, с чем можно иметь дело. Именно такой процесс мы наблюдаем, когда люди сталкиваются с новой медицинской реальностью. Сопrotивляясь непривычной информации, которая, как правило, требует резкого изменения устоявшегося образа жизни, люди начинают распространять тексты, которые могут показывать невозможность, бесчеловечность нового режима или изменять предлагаемую информацию в нужном ключе. В этом случае объектом символического сопротивления тех, кто чувствует себя слабым, оказываются не только представители политических институтов, но и официальной медицины.

В конце 1980-х – 1990-е мир сталкивается с эпидемией ВИЧ, и в ее разгар в США и Канаде, а потом и в России²² стали массово появляться легенды о ВИЧ-инфицированных иголках. Одна девушка пошла в кинотеатр (поехала на автобусе, села на скамейку) и вдруг почувствовала, как ее что-то уколело. Она осматривает поврежденное место, обнаруживает там иголку и понимает, что анонимные злодеи заразили ее СПИДом (иногда к зараженному шприцу прикладывается записка «Добро пожаловать в мир ВИЧ!»). Фольклорист Дайан Голдстейн в книге «Однажды во время вируса: ВИЧ-легенды и повседневное восприятие рисков»²³ показывает, как неразрывно связаны страхи перед изменением медицинской реальности и появление легенд, отрицающих эти изменения. Официальная медицина убеждает людей, что новая опасность – ВИЧ-инфекция – может исходить от их сексуального партнера, даже постоянного, и, чтобы защитить себя, надо постоянно проверять своего партнера и/или использовать презерватив. Другими словами, новая опасность исходит из дома, и это медицинское знание не может не тревожить людей, потому что это нарушает привычное представление о доме как о самом безопасном месте. Однако легенда о зараженных ВИЧ иголках дает совершенно другую картину: в ней заражение происходит не дома, а в публичных местах, источником заражения является не знакомый партнер, а анонимный и – что очень важно! – невидимый злодей, и, наконец, заражение в легенде происходит совершенно асексуальным образом. Так «легенды о заражении опасными болезнями» делают нашу реальность гораздо более комфортной для рассказчика, полностью снимая с него любую вину за недостаточно пуританское сексуальное поведение, и одновременно создают почву для сопротивления новой медицинской информации.

22 Карпунина А.В. «Добро пожаловать в мир СПИДа»: легенды о зараженных иглах с 1980-х годов и до наших дней // Фольклор и антропология города. 2018. № 1.

23 GOLDSTEIN D. *Once Upon a Virus: AIDS Legends and Vernacular Risk Perception*. Logan: Utah State University Press, 2004.

В 2012 году фольклорист Андреа Китта, ученица Дайан Голдстейн, еще до того, как это стало мейнстримом, задалась вопросом: почему такое большое количество образованных людей сопротивляется вакцинации – процедуре, которая давно доказала свою полезность? Она изучала отношение к прививкам в семьях образованных канадцев из среднего класса²⁴. Вывод, к которому она приходит, может показаться удивительным, но он многое объясняет в нашей жизни. В современной жизни дети есть высшая ценность, и благополучные канадцы озабочены тем, чтобы стать «правильными родителями» с момента зачатия (а иногда и раньше). В частности, тревожные родители (которые не являются убежденными антипрививочниками) пытаются изучать (естественно, в основном в интернете) аргументы за и против прививок. Они накапливают большое количество вопросов, которые стремятся задать медицинским работникам в процессе обсуждения будущих прививок. Как правило, медицинские работники (речь идет не о врачах, а скорее о медсестрах) не имеют времени и желания объяснять, почему надо обязательно вакцинировать ребенка здесь и сейчас, поэтому они начинают запугивать родителей, показывая им фотографии умирающих от кори детей или даже прибегая к городским легендам. Так, популярностью среди медицинского персонала пользуется история о докторе из Торонто, который отслеживает родительские отказы от вакцинации и, узнав про невакцинированного ребенка, немедленно звонит в ювенальную службу. После чего ребенка прямо из школы забирают в приют²⁵. В терминах Джеймса Скотта родители отказываются в положении слабой группы перед лицом сильных (представителей государственной медицины). Они чувствуют угрозу ребенку и своим родительским правам, ощущают, что их лишают агентности и права выбора, и начинают сопротивляться: как минимум они поддерживают распространение историй про опасные прививки, а как максимум – отказываются от вакцинации и начинают карьеру активистов-антипрививочников. Чем страшнее истории о прививках (они заражают болезнями, делают бесплодными или вызывают аутизм у ребенка), тем более обоснованным кажется отказ от вакцинации: поэтому градус радикальности и страшности в этих историях только возрастает.

Похожая ситуация сложилась в СССР. В годы после Второй мировой войны было много вспышек инфекционных заболеваний, которые привели к значительной детской смертности²⁶.

24 КИТТА А. *Vaccinations and Public Concern in History: Legend, Rumor and Risk Perception*. New York; London: Routledge, 2012.

25 Ibid.

26 FILTZER D. *The Hazards of Urban Life in Late Stalinist Russia: Health, Hygiene, and Living Standards, 1943–1953*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

Вакцинация оказалась практически единственным способом победить болезни и снизить детскую смертность. С 1960-х складывается план вакцинации детей, которой было трудно – а на самом деле почти невозможно – избежать.

Советская медицина взаимодействовала с родителями, как родитель с неразумным отпрыском. Часть вакцин ребенок получил уже в роддоме, часть – в школе. Родителям было не просто отказаться от прививок: нужно было убедить врача, что вакцинация опасна. Суровый, бескомпромиссный характер советской медицины и почти полное лишение родителей свободы воли в этом вопросе привели к тому, что иногда родители боролись с этим давлением, таким образом обретая свободу воли и право решать за своего ребенка. Рассказы об опасности вакцин – о том, что они вызывают бесплодие, – всего лишь способ рационализировать отказ от вакцинации. В результате многие родители из семей советской интеллигенции (в том числе врачей) пытались отказаться от вакцинации. Отказ от вакцинации стал замаскированной привилегией: «У нас в школе [Москва, 1980-е] к детям, которые имели медотвод от прививки, относились, как к особам царских кровей» [А.Е., женщина, 42 года, Москва]. Эта форма «медицинского инакомыслия» была близка к политическому инакомыслию, а иногда и сочеталась с ним.

Этому, конечно, во многом способствовал тот факт, что благодаря строгой советской системе вакцинации в предыдущие годы опасные детские инфекционные заболевания стали редкостью, и родители перестали видеть смысл в вакцинации: зачем прививаться от полиомиелита, если вероятность этого заболевания кажется очень низкой, а друзья и близкие рассказывают истории об ужасных аллергических реакциях на вакцины? Практически каждый второй бывший советский гражданин рассказывал мне о страхе (его собственном или родительском) возможной аллергической реакции на вакцину: «У моего ребенка аллергия, а наши врачи этого не учитывают» [Л.А., женщина, 52 года, Москва]. Рассказ об опасной аллергии, которая (может быть) есть у ребенка и которую не учитывает медицина (подчеркнем, что во многих случаях родители лишь предполагали, что такая аллергия может проявиться), является метафорой той индивидуальности, которая подавляется советской медициной. Неудивительно, что после распада СССР количество желающих сделать прививку ребенку в первой половине 1990-х в разных постсоветских странах начало резко уменьшаться²⁷.

27 Байбусинова А.Ж., Мусаханова А.К., Шалгумбаева Г.М., Даулетьярова М.А., Токанова Ш.Е., Нуртазина С.К. *Индивидуальные и социальные факторы, влияющие на отказ от вакцинации детей в г. Семей Республики Казахстан* // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2015. № 6 (<https://cyberleninka.ru/article/n/individualnye-i-sotsialnye-factory-vliyayuschie-na-otkaz-ot-vaktsinatsii-detey-v-g-semey-respubliki-kazahstan>).

Итак, вакцинация может восприниматься как давление института сильного, будь то политический институт или официальное медицинское знание. Отказ от вакцинации рационализируется с помощью самых разных слухов и городских легенд. Люди начинают распространять тексты, которые могут показать невозможность, бесчеловечность нового режима или изменить предложенную информацию в правильном направлении. Мы видим такой процесс не только в советском прошлом, но почти в любой ситуации, когда люди сталкиваются с новой медицинской реальностью.

Рассказ об опасной аллергии, которая (может быть) есть у ребенка, является метафорой той индивидуальности, которая подавляется советской медициной.

СПОСОБЫ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ ОТКАЗА ОТ ВАКЦИНАЦИИ

Сейчас, в 2021 году, когда весь мир пытается бороться с эпидемией коронавируса с помощью новых вакцин, проблема отказа от прививок или сомнений в вакцинах (*vaccine-hesitancy*) встала весьма остро (хотя совершенно не является новой, просто теперь мы все ее замечаем). Ситуация в России с высоким уровнем сопротивления вакцинации тем более привлекает внимание. Существует простое объяснение, к которому любят прибегать даже журналисты и медиа-персоны²⁸: антипрививочники – это глупые люди, которые в принципе против прогресса и вакцин в целом. Однако ситуация гораздо сложнее: сомнение в вакцине связано с множеством факторов, и представление о единой группе антипрививочников, объединенной общей причиной отказа, – это миф. Как показывают результаты нашего исследования (интервьюирования взрослых и подростков), способов рационализации отказа от вакцинирования может быть довольно много. Не претендуя на полноту, перечислим здесь основные причины, которые рационализируют страх перед прививкой.

Первая причина – это, действительно, искренняя вера в опасность вакцины, причем эта опасность может быть разной. Для них вакцины опасны, но не в медицинском смысле. Они представляют опасность иного порядка: вакцины – это изобретение внешнего врага для контроля людей, вживления чипа, сбора генетических данных или массового убийства. Тех, кто разделяет эту точку зрения, мы назовем «конспирологами».

28 «Дождались третьей волны, придурки»: Знаменитости набросились на антипрививочников и вакцинофобов // Фонтанка.ру. 2021. 15 июня (www.fontanka.ru/2021/06/15/69970718/).

Вторая причина – это страх «перестраховщиков». Это люди, которые, как и указанная выше группа, плохо понимают, как устроены вакцины, и страшно беспокоятся, как прививки повлияют на состояние их здоровья и иммунитета: «У меня нога больная, поджелудочная, а вдруг вакцина это ухудшит?» [женщина, 61 год, Нальчик, сентябрь 2021 года]. «Перестраховщики», в отличие от «конспирологов», оперируют наукообразным языком и часто повторяют, что они вообще не против вакцинации, но вот конкретно «эта вакцина не готова, потому что настоящую вакцину надо делать годами». Среди «перестраховщиков» очень часто встречается аргумент «Я подожду, пока остальные привьются» и таким образом создадут вокруг «вакционный пузырь». «Перестраховщики» могут даже уговаривать привиться окружающих – например, коллег на работе.

Третья причина – это, собственно, недоверие не к вакцинам, а к агентам вакцинации. Во-первых, это может быть недоверие российской медицине: «У нас даже аспирин сделать не могут», «В стране с такой плохой медициной не могли сделать хорошую вакцину», – говорят мои информанты. Во-вторых, это недоверие к политическим институтам в России. Опросы «Левада-центра»²⁹ показывают, что существует зависимость между теми, кто не хочет вакцинироваться, и теми, кто не доверяет президенту. Люди, разделяющие именно эту точку зрения, считают, что «российское правительство не может сделать ничего хорошего»; «они постоянно нас обманывают – почему я должен им верить?». Популярный аргумент: «Я не против вакцины в целом, но вы знаете, в какой бочке и как они делают наши вакцины?». Те, кто опасается именно российских вакцин, часто испытывают раздражение от отсутствия вакцинных альтернатив («Почему нам не предложат импортные вакцины?»). Именно эту точку зрения в разговоре со мной в июне 2021 года высказал Александр М., художник, 58 лет:

А.А.: Если вы не привились, то по какой причине?

А.М.: Если коротко, то из недоверия к изготовленному в РФ.

А.А.: А если подробнее?

А.М.: Вакцина – сложный в изготовлении препарат. Не могу поверить, что она может быть должным образом и в больших количествах произведена здесь, где и приличного аспирина своего нет.

А.А.: А есть еще причины для невакцинирования, кроме недоверия к властям?

29 «Готовность сделать прививку, а также доля уже привитых больше среди тех, кто одобряет деятельность Владимира Путина: 31% готовы привиться, 45% не готовы, 22% ответили, что уже привились. Среди тех, кто не одобряет деятельность президента, лишь 14% готовы привиться, 71% не готовы, 14% ответили, что уже привились» (www.levada.ru/2021/07/05/koronavirus-privivki-i-obyazatel'naya-vaktsinatsiya/) (АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*)

А.М.: Недоверие ко всей здешней продукции. Другой причины нет. Про «власть» и речи нет. Это за пределами вопроса о доверии. [...]

А.А.: Есть ли среди ваших знакомых/родных те, кто не будет вакцинироваться? Как они это объясняют?

А.М.: Есть. Резоны те же. Еще прибавляется раздражение от пропаганды.

А.А.: Вы привились бы «Пфайзером»?

А.М.: Да. «Пфайзер» [сделан там] там, где живут исправно, криво для себя не насадят, пожнут добротное. За содеянное отвечают.

Мнение моего собеседника о том, что можно доверять «Пфайзеру», потому что его делают там, где «за содеянное отвечают», не случайно. Оно возникает из восприятия российского общества как изначально коррупционного. В октябре 2021-го российские социологи из компании «GXPnews» опубликовали результаты исследования, сравнивая отношение к вакцинации в разных странах³⁰. Согласно этому отчету, на отношение к вакцинации влияют несколько факторов: количество заболевших (насколько респондент испугался), восприятие общества как коррумпированного (насколько респондент думает, что все вокруг воруют) и постматериалистические ценности³¹ (гражданские права, в том числе права этнических и социальных меньшинств, равенство полов, борьба за экологию). Если человек не видит вокруг себя заболевших, он не боится болезни. Если он считает, что все вокруг воруют и обманывают, он не будет доверять и процессу вакцинации (потому что воровство и коррупция будут происходить и там, согласно его представлению). И если в обществе борьба за гражданские права мало популярна, то люди в этом обществе будут меньше думать о спасении других, принимая решения вакцинироваться. В России, говорят авторы исследования, очень низкий индекс постматериальных ценностей (по сравнению с шестью западными странами) и очень высокий индекс восприятия коррупции (выше только в Таджикистане), что и приводит к высокому уровню отказов от вакцинации.

«ВАКСЕРЫ» И «АНТИВАКСЕРЫ»: ДВА ВООБРАЖАЕМЫХ СООБЩЕСТВА И ИНТЕРНЕТ-ВОЙНА

Мы живем сейчас (лето и осень 2021 года) в ситуации «холодной гражданской войны» за/против вакцинации, где полем

30 Доверие к власти или осознанный выбор? Что на самом деле влияет на темпы вакцинации (<https://gxpnews.net/2021/10/doverie-k-vlasti-ili-soznatelnost-naseleniya-chto-na-samom-dele-vliyaet-na-tempy-vakczinaczii/>).

31 Термин предложил американский политолог Рональд Инглхарт: кроме базовых ценностей (еда, безопасность), людей (и особенно молодежь) в западных демократиях больше волнуют проблемы гражданских свобод и экологии, права на аборт и так далее: INGLEHART R. *The Silent Revolution*. Princeton: Princeton University Press, 1977.

сражения становятся чаты и каналы в мессенджерах, а также социальные сети. Участники этой «войны» чувствуют себя ответственными за вакцинацию окружающих или за отказ от нее. В последние дни октября мне пришло сообщение: «Зря вы у себя в чате содержите “антиваксеров”. Этим вы способствуете убийству людей», а затем – издевательская угроза «позвольте Вас порекомендовать в СМИ как соучастницу убийства людей». Автором этих посланий оказался врач, который был недоволен моим слишком вежливым тоном в разговоре с противниками вакцинации – он воспринимался как прямое пособничество одной из сторон и пассивное убийственное бездействие. Я уверена, что, какую бы позицию в споре о вакцинации ни занимает читатель этих строк, он точно был очевидцем (а возможно, и участником) по крайней мере хотя бы одного сражения в этой «гражданской войне».

Конечно, сторонники и противники вакцинации существуют³². Но неверно утверждать, что они представляют собой два жестких сообщества. Это сообщества *воображаемые* (в терминологии Бенедикта Андерсена³³) – они объединены не общим адресом или совокупностью привычек, но общей идеей.

В этой «гражданской войне» каждое воображаемое сообщество считает себя слабым, а группа с противоположными взглядами кажется, наоборот, сильной. Противники вакцинации в своих *Telegram*-каналах (которые как раз являются тем самым «закулисным пространством» в терминах Джеймса Скотта) считают себя угнетенным меньшинством и борются против большинства. И, казалось бы, сторонники вакцинации должны чувствовать себя сильными – ведь на их стороне федеральная пресса и представители власти. Однако очень часто, несмотря на это, сторонники вакцинации тоже чувствуют себя слабыми и беспомощными. Популярный страх сторонников прививки заключается в том, что противники вакцинации препятствуют восстановлению нормального социального порядка:

«Антипрививочники противятся достижению коллективного иммунитета. Из-за них мы не можем вернуться к нормальной жизни» [С.П., мужчина, 43 года, Москва].

«Из-за тех, кто не прививается, мой ребенок все время то на дистанте, то офлайн. Боже, как они надоели» [Ю.С., женщина, 45 лет, Иркутская область].

Сторонники вакцинации часто описывают себя с помощью военной лексики: «Я нахожусь в окружении», «Меня окружили

32 Напомню еще раз, что противиться прививкам можно по разным причинам, не говоря уже о том, что людям свойственно менять свое решение вакцинироваться / не вакцинироваться (под влиянием разных факторов) – и особенно это касается группы «перестраховщиков».

33 Андерсон Б. *Воображаемые сообщества*. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001.

враги». Так, например, моя собеседница Н. рассказала, что ее невестка не разрешила Н. взять на руки новорожденного внука. Причиной этого оказалась недавняя вакцинация Н. Невестка считает, что вакцинированные «излучают из себя» опасные для ребенка вещества. Н. подчеркнула, что точку зрения невестки разделяют и ее родители – таким образом, семья поделась на два лагеря. Поэтому сторонники вакцинации иногда спрашивают меня, как разговаривать с антипрививочниками, бесконечно изумляются большому количеству противников вакцинации и нередко панически спрашивают меня, сколько, по моему мнению, «антиваксеров» в стране: «Боже, Саша, я никогда не представляла, что их столько, они окружают меня на каждом шагу [А.А., женщина, 41 год, Москва].»

Сторонники и противники вакцинации существуют. Но неверно утверждать, что они представляют собой два жестких сообщества. Это сообщества воображаемые – они объединены не общим адресом или совокупностью привычек, но общей идеей.

И сторонник, и противник вакцинации рассматривают представителей власти и врачей (реже учителей) как представителей враждебной группы. Для сторонников вакцинации врачи часто недостаточно хорошо объясняют необходимость прививок (или вообще являются антипрививочниками), а для противников вакцинации врачи – это либо представители зла, либо угнетенные правительством люди, которые не могут сказать правду. Поэтому, например, противники вакцинации будут распространять истории о том, как врачи за деньги ставят диагноз «коронавирус» тем умершим, у кого такого заболевания не было (всплеск этих слухов пришелся на май–июнь 2020 года, а потом на сентябрь 2021-го), и поэтому врачам верить нельзя. Сторонники вакцинации будут распространять истории про врачей, которые отговаривают прививаться и вкальвают физраствор вместо вакцины.

В ходе этой «войны» представители и того и другого воображаемого сообщества изобретают собственное «оружие слабых», чтобы объединиться и поразить своего врага, – это специфические речевые жанры и особые речевые регистры.

НОВАЯ СЕГРЕГАЦИЯ

И сторонники, и противники вакцины считают обязательную вакцинацию проявлением новой сегрегации.

Для противников вакцин это один из основных страхов, и, чтобы его выразить, они используют в своих текстах и протестах метафоры геноцида, Холокоста, войны. С начала ноября 2021-го по всей стране проходят протестные акции против введения обязательных QR-кодов для посещения общественных мест. Протестующие делают все, чтобы напомнить через военные тропы о нежелательности такого действия. Они собираются у мест массовых расстрелов³⁴, поют «Священную войну» и другие песни Великой Отечественной, надевают желтые звезды и подают властям петиции, в которых регулярно звучит слово «геноцид».

Страх сегрегации поддерживается через распространение городской легенды о надписях на двери «Тут живут вакцинированные» (вариант – «непривитые»):

Женщина 1: Но вот разговаривала со знакомой из родного города. Там одна активистка предложила на дверях квартир тех, кто не вакцинировался, приклеить опознавательные значки. Бред, да?

Женщина 2: Бред. В смысле как идеи, так и ее осуществления. Хотя бы потому, что вряд ли кто-то на дверях развешивает сведения о вакцинации своей семьи или отсутствии вакцинации. Хотя в родной местной группе в сети видела пост и фото: дверь с надписью мелом во всю дверь «Здесь живут невакцинированные». Человек пришел с работы и обнаружил подобное «художество» на своей входной двери в квартиру³⁵.

Фотография, о которой говорят две женщины (*илл. 1*), широко разошлась в интернете 11 ноября – ровно на пике обсуждения непопулярного закона о QR-кодах. Впервые она появилась в паблике «ВКонтакте» жителей Тольятти. Верифицировать ее подлинность не удалось, скорее всего это мистификация (первые упоминания о такой надписи появляются в российских сетях 26 октября как о метафоре бессмысленного разделения, и только потом появляется «подлинная» фотография).

Сторонники вакцинации тоже касаются этой темы, хотя не так явно, причем в некоторых текстах сегрегация оказывается желательным действием. «Ваксеры» распространяют довольно жестокие мемы и шутки, в которых противники вакцинации оказываются высланы, умрут от болезни или будут расстреляны: «Все, не желающие вакцинироваться, будут высланы из пределов Москвы в Россию». В этих шутках вакцинированные оказываются в положении новой элиты («–Как вам новая девушка

34 Например, жители города Железногорска Курской области специально собрались протестовать против QR-кодов возле мемориала «Большой дуб», где в 1942 году фашисты заживо сожгли жителей одноименной деревни за помощь партизанам (<https://46tv.ru/odnoj-strokoj/v-kurske/158269-v-kurskoj-oblasti-zapisali-videobraschenie-k-prezidentu-protiv-qr-kodov-i-prevraschenija-strany-v-cifrovoj-konclager.html>).

35 Разговор в чате «Моя семья» 14 ноября 2021 года.

АЛЕКСАНДРА АРХИПОВА
БЕРЕГИСЬ ПОКЕМОНОВ...

вашего сына? – Хорошая девушка, из вакцинированной семьи»), именно им будут доступны новые блага (при желании в интернете легко можно найти мем на основе известной картины под заголовком «Вакцинированные вселяются в квартиры отказавшихся от прививки»).

Илл. 1. Фотография, подлинность которой не установлена, из паблика «ВКонтакте» жителей Тольятти.

НЕ ТОЛЬКО ЧИПИРОВАНИЕ: НОВЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ ИДУТ НА ФРОНТ

В течение 2020–2021 годов противники и сторонники вакцинации выработали свои языки символического сопротивления³⁶. Основной лингвистический прием обоих дискурсов – последо-

36 Петербургские лингвисты из Института лингвистических исследований опубликовали подробный словарь новой лексики, сложившейся в ходе пандемии: *Словарь русского языка коронавирусной эпохи* / Под ред. В. Мокиенко. СПб.: ИЛИ, 2021. Однако по причинам, которые остаются неясными, составители проигнорировали большую часть, описывающую вакцинацию, а также сторонников и противников прививок. В этом словаре нет слов «чипирование» и «чипизация», «жижа» и «шмурдяк» и многих других, а они очень важны.

вательное превращение нейтральных или новых слов в дисфемизм (вакцина – *факцина*) или создание неологизма с оттенком дисфемизма. Их целью является стремление уязвить противника – в диапазоне от проявления иронии до оскорбления (в конце статьи можно найти список этих неологизмов и рассказ о том, как велся поиск таких слов и какие были ограничения).

Термин *дисфемизм* был предложен австралийскими лингвистами Китом Алланом и Кейт Барридж³⁷, которые разработали семантическую теорию X-фемизмов (*X-phemisms*) о лингвистических способах защиты и нападения. В зависимости от коммуникативной ситуации мы можем назвать ситуацию или явление прямо, используя ормофемизм³⁸ (*он умер*) или прибегая к заменам. Тогда возникают эвфемизм (*он ушел от нас*) или дисфемизм (*откинул копыта*).

«Говорить эвфемистически – это значит использовать язык как щит против опасного, нежеланного, неприятного; эвфемизмы не должны быть обидными и должны иметь позитивные коннотации; говорить дисфемизмами означает использовать язык как оружие для атаки других, или по крайней мере для их исключения»³⁹.

Таким образом, эвфемизм – строго обратное явление для дисфемизма. Если дисфемизм понижает статус обсуждаемого объекта и имеет своей целью обидеть, оскорбить или смутить слушающего, то эвфемизм, наоборот, защищает слушающего, повышая статус объекта, например, через использование высокого стиля. В английском языке глагол *to defecate* является ортофемизмом, *to poo* – эвфемизмом, а *to shit* – дисфемизмом⁴⁰.

Динамика СВ-языка (язык *сторонников вакцинации*) и ПВ-языка (язык *противников вакцинации*) отражает степень накала публичной дискуссии. Небольшой подъем экспрессивных неологизмов происходит в июне, когда начинается публичное обсуждение перспектив обязательной вакцинации, но самый массовый рост словоупотребления происходит в октябре–ноябре 2021 года, когда в связи с ростом количества заболевших и умерших «гражданская война» в интернете снова набирает обороты (см. *илл. 2* и перечень неологизмов в конце статьи).

Обсуждаемые два словаря развиваются в противоположных направлениях. Словарь сторонников вакцинации, чем дальше, тем больше становится социально приемлем (слово «антивак-

37 ALLAN K., BURRIDGE K. *Euphemism and Dysphemism: Language Used as Shield and Weapon*. Oxford: Oxford University Press, 1991.

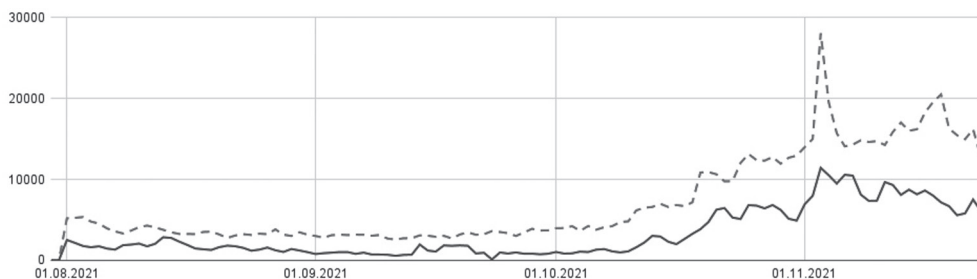
38 Ортофемизм – от греческого *ortho* (правильный, прямой, нормальный) и *pheme* (речь).

39 ALLAN K., BURRIDGE K. *Op. cit.* P. 222.

40 Стоит обратить внимание, что такое понимание эвфемизма не вполне соответствует его обыденному употреблению в русскоязычной среде, где под эвфемизмом понимается любая замена.

сер» как термин уже употребляется в федеральных СМИ), в то же время словарь противников вакцин уходит из зоны общего пользования в подводную часть мессенджеров: люди боятся запретов, бана социальных сетей, вмешательства правоохранительных органов. Зато *Telegram*-каналы противников вакцинации растут с большой скоростью: я обнаружила более двадцати каналов с аудиторией более 15–20 тысяч подписчиков, канал «Ковид-сопротивление» насчитывает 100 тысяч, и десятки каналов с аудиторией менее 14 900 подписчиков.

Илл. 2. Словари сторонников (сплошная линия) и противников (пунктирная линия) вакцинации. По вертикальной оси — число упоминаний. Три самых популярных слова сторонников вакцинации: антиваксер, ковид-диссидент и антипрививочник. Три самых популярных слова противников вакцинации: уколизация, жижа, коронабесие. (Слово чипирование здесь не указывается, поскольку употребляется сторонниками обоих дискурсов.) Абсолютные цифры, полный перечень слов см. в конце статьи. Данные собраны «Медиалогией» по российским социальным сетям с 1 августа по 23 ноября 2021 года.

Использование слов *чипирование* и *чипизация* показывает, как развиваются данные языки. Эти невероятно популярные в социальных сетях неологизмы встретились в контексте вакцинирования с 1 июня по 8 ноября более 529 тысяч раз, причем всплеск произошел как раз во время второй и третьей недели июня, когда обсуждался вопрос о всеобщей вакцинации. С мая 2020 года в России становится сверхпопулярна теория о том, что коронавирусные тесты (а позже и вакцина от коронавируса) — это способ установить контроль над населением, придуманный основателем компании «Microsoft» Биллом Гейтсом: якобы в каждом уколе или тесте содержится микрочип. Поэтому слова *чипирование* и *чипизация* использовались изначально как дисфемизмы, демонстрирующие страшную правду о вакцинации. Но постепенно употребление слова *чипирование* стало нормализоваться. Я то и дело слышу вокруг ироничные фразы «Ну, все, вчера я чипировался» (то есть вакцинировался). Такое словоупотребление позволяет дистанцироваться от процесса, но тем не менее не воспринять вакцинацию в штыки. Показателен популярный в 2021 году анекдот: «Объявление: Тем, кто чипировался шесть месяцев назад, надо подойти к ближайшей вышке 5G и обновить прошивку в чипе».

Язык нормирующий и язык эмоциональный

Язык сторонников вакцин (СВ-язык) довольно прост и построен на бинарном противопоставлении научной картины мира и

ненаучной. Обвинение в мракобесии и необразованности – типичная черта такого дискурса. Конструирование слов происходит за счет оппозиции *норма – не норма*. Противник носителя этого языка находится на периферии нормы: он всегда «анти-», «без-» или «идиот»: *антимасочник, антипрививочник, безкуарник, ковидиот*. Само позиционирование говорящего на этом регистре (стилистическом варианте языка) тоже связано с идеей нормы, поэтому здесь очень мало полных неологизмов. Тот, кто использует этот язык, позиционирует себя как образованного человека и сдержан в своих эмоциональных лингвистических экспериментах. То небольшое количество дисфемизмов, которые характерны для данного дискурса, активно используется федеральными СМИ. В октябре–ноябре 2021 года они стали гораздо активнее называть противников прививок «дураками», «убийцами», «лишенными когнитивных способностей»⁴¹. Противостояние подчеркивается не только лингвистическими приемами: журналисты федеральных каналов призывают писать анонимные доносы⁴² и создавать кибердружину для ловли антипрививочников⁴³.

Если основная функция СВ-языка представить себя и свои взгляды как норму, то ПВ-язык устроен гораздо сложнее. Главная особенность заключается в том, что он подчеркнуто экспрессивен и эмоционален, и это отнюдь не свойство русского языка: как показало исследование аналогичной проблемы в англоязычном *Twitter*, твиты противников вакцинации производят намного больше эмоционального контента (25%), в отличие от твитов сторонников вакцин (0,3%)⁴⁴. Эта экспрессивность связана с тем, что люди, говорящие на таком языке, ощущают себя в окружении и вынуждены защищаться, в том числе и словами. Поэтому сторонники вакцинации, ограничительные меры, вакцины и вакцинированные на ПВ-языке часто описываются либо с помощью военных метафор борьбы с фашизмом, либо как что-то, лишённое человеческих свойств.

К первой группе относятся слова *вакци-наци* и *QR-гетто*⁴⁵. Вторая группа многочисленнее. В нее, во-первых, входят неологизмы, главная задача которых сделать из сторонников вакцинации животных и исключить их из человеческого общества

41 Например, главный редактор «РТ» Маргарита Симоньян написала, что «антипрививочники стали вызывать неприязнь и сомнение в их когнитивных способностях» (<https://t.me/margaritasimonyan/9410>).

42 Теперь можно, заполнив онлайн-форму, сообщить об «антипрививочнике»: *Общественная палата запустила горячую онлайн-линию «АнтиФейкКовид»* // РИА «Новости». 2021. 3 ноября (<https://ria.ru/20211103/antifeykkovid-1757552920.html>).

43 Иванов А. *Кибердружину для поиска антиваксеров в Сети появятся в России* // 360. 2021. 10 ноября (<https://360tv.ru/news/obschestvo/kiberdruzhini-dlja-poiska-antivakserov-v-seti-pojavjatsja-v-rossii/>).

44 GERMANI F., BILLER-ANDORNO N. *Op. cit.*

45 Это новое слово появилось несколько дней назад. Пока я дописываю эту статью, оно уже набрало 21 тысячу репостов – и это только начало.

(поэтому привитые очень часто называются *стадо*, коронавирус становится *барановирусом*, маски – *намордником*, а QR-коды – *куриными кодами*). Во-вторых, эмоциональные неологизмы описывают вакцинированных как существ, лишенных человеческого начала, через метафору технологии и игрушки: так появляются *прошивка* (вакцина), *покемоны* (привитые) и *Шпунтик* (вакцина «Спутник»). И, в-третьих, вакцинированные воспринимаются буквально как зомби, что подчеркивается словами *чипированные* и *уколотые* (отметим, что оба эти слова – рекордсмены ПВ-словаря, см. в конце статьи). Ну, и наконец, вакцина обозначается словами, основная коннотация которых – указание на что-то низкопробное. Поэтому вакцина называется *факцина*, *жижа* или *шмурдяк* (в 1990-е так называли дешевый самогон или другой алкоголь низкого качества): «“Ваксеры” лихуют!.. Вкололи шмурдяк и получили свой QR-код»⁴⁶. С помощью этих приемов носители ПВ-языка порождают весьма эмоциональные тексты. 15 ноября один противник вакцинации написал мне в чате следующий текст:

«К октябрю 2020 ваши ковидлобесные пророки обещали что померет 90% населения планеты)))) показывали братские могилы размером с Манхеттен))) рефрижераторы сгонялись для трупов. Однако дружки твои дебилюга врут))) У вас ведь как – окочурился уколотый – значит купил себе отшприцовку))) ну и конечно намордник не носил, это уж вы не забываете))) А ты само чучело – в наморднике хоть спишь? Смотри, ковидла, она ух ночью тоже не спит, так что не снимай, а лучше в противогазе спи и живи!))» (орфография и пунктуация оригинала).

Носители ПВ-языка, по словам пользователя публика в «ВКонтакте» (направленного против вакцинации), воспринимают себя как «партизан гибридной войны». А партизаны все время должны менять пароли, и поэтому среди носителей этой позиции возникают все новые и новые неологизмы, которые должны маскировать и принижать объект разговора (и так «Спутник» становится *Шпунтиком*). По этой причине словарь противников вакцинации крайне текуч. В этом смысле показательно лингвистическое творчество блогера и гида Екатерины Синицыной-Сантини. Екатерина живет в Италии, ее основной заработок – туристы. С начала эпидемии она сняла много роликов, в которых между рецептами салатов рассказывала, что никакой эпидемии «короны» в Италии нет (в марте 2020-го видео стало вирусным, набрало более трех миллионов просмотров, потом было удалено). В июне 2021 года именно Екатерина показала в своем *YouTube*-канале, что (якобы)

46 <https://telegram.me/1499477158/5711679>.

у вакцинированных появляется в сети свой номер (потому что чип в вакцине излучает сигнал), и устроила в Тоскане охоту на *покемонов* (вакцинированных): она ходила с телефоном и пыталась поймать по Bluetooth *жизнизированных*. С ее легкой руки вакцинированные и в других *Telegram*-каналах стали называться «покемонами». Екатерина Сеницына-Сантини проводит лингвистические опыты постоянно: она и ее поклонники используют целую систему лингвистических скрытых транскриптов, которые созданы за счет прямых ассоциаций: кроме фраз типа «Осторожно, берегись покемонов!», в ее *Telegram*-канале можно найти такие, например, высказывания: «Не, что с цветочком, сдохнут быстрее, чем запаркованные». «Цветочек» или «цветок» – это вакцина «Astra Zeneka», а «Паркер» – «Pfizer», «Космос» – «Спутник».

Выше мы обсуждали словарь в его основной функции. Противники вакцинации используют его в этом качестве, когда, например, надо написать эмоциональные комментарии под новостью о введении QR-кодов. Но иногда противники вакцинации (в гораздо большей степени, чем сторонники) используют этот язык, чтобы объединиться: он становится мета-средством, языком, говорящим о языке. В этом случае к неологизму из ПВ-словаря не просто ставится хэштег, но они выстраиваются в очень длинные цепочки: самая длинная, которую я нашла, насчитывала 67 дисфемизмов с хэштегом. Вот типичный пример:

#QR-код, #вакцинация, #прививка, #укол, #уколизация, #вакцина, #шмурдяк #обязательная_вакцинация, #сегрегация, #фашизм, #самоизоляция, #корonavirus, #ковид, #COVID-19, #принуждение, #электронный_концлагерь, #конституция, #нарушение_прав, #цифровой_концлагерь, #цифровизация #ковидобесие

«ФОЛЬКЛОР НЕНАВИСТИ»: СТРАШНЫЕ ИСТОРИИ ПРОТИВ ЧЕРНОГО ЮМОРА

Кроме языка ненависти, есть еще и «фольклор ненависти»: и сторонники, и противники вакцинации используют устойчивый набор речевых жанров, которые призваны продемонстрировать несостоятельность аргументов противоположной группы.

Противники вакцин распространяют страшные истории о смерти невинных людей из-за прививки или о том, как чип в вакцине контролирует людей. Цель этих историй – во-первых, убедить свою аудиторию повременить с прививкой, а во-вторых, продемонстрировать бесчеловечность и отсутствие эмпатии у «ваксеров»: «Вчера у дочки соседки подруги ноги отнялись, но вам, конечно, все равно, Саша» [женщина, 45 лет, Париж].

Мы зафиксировали более семидесяти разных сюжетов городских легенд и слухов, связанных с прививками и их страшными последствиями, – к сожалению, здесь нет возможности перечислить все. Но вот городская легенда, которая за лето 2021 года набрала 52 тысячи репостов в открытых социальных сетях:

«Всем доброй ночи! Сегодня общался со знакомым который прилетел с Англии, у него мать работает в больнице в Англии медсестрой, там во всю идет вакцинация населения, он против вакцины, его мать сделала ему сертификат якобы он прошел вакцинацию, то есть выдала оригинальный документ не поставив вакцину, прилетев в страну свою откуда он родом в аэропорту он показал этот документ чтобы не садили его на карантин, таможенники попросили его пройти через устройство которое сейчас практически во всех аэропортах показывает температуру тела, он прошел и ему сказали, что он не вакцинирован и его сертификат не действителен, так как вакцина содержит тяжелые металлы, и что им сразу видно вакцинирован человек или нет! И как после этого не верить в глобальный контроль и теорию заговора!» (орфография и пунктуация оригинала).

В то же время «оружием слабых» сторонников вакцин становится черный юмор – они распространяют бесчисленное количество анекдотов и шуток, подчас весьма жестких, цель которых не только выставить в черном свете противников вакцинации, но и показать бессмысленность их борьбы: «Идея стартапа. Берем в долг у 10 антипрививочников. Доходность – 50%». Именно это подчеркивает народный «девиз», к которому часто прибегают сторонники вакцинации: «Чем больше антипрививочников, тем меньше антипрививочников».

Очень часто эти шутки пародируют основные конспирологические теории, связанные с прививкой: «Те, кто считает, что вакцина изменит их ДНК, должны рассматривать это как шанс».

Юмор сторонников вакцинации пародирует элементы типичного поведения противников вакцинации (так, как его представляют себе сторонники):

- Вы планировали беременность?
- Нет.
- Но вы предохранялись?
- Ну, я купил справку, что я в презервативе.

Однако большинство шуток сторонников вакцинации построены по принципу заимствования и пародирования дискурса «врага» – назовем этот пример «кривое зеркало». В многочисленных шутках обычные аргументы антипрививочника воспроизводятся, при этом ключевой элемент дискурса (аргумент про опасность вакцины) заменяется на что-то из совершенно другого контекста:

Сторонник вакцинации: Почему ты перед прыжком не надеваешь парашют?

Противник вакцинации: Во-первых, от него побочка (лямки спину натирают), а во-вторых, нет стопроцентной гарантии, что он раскроется.

Подходят инженер и антивакцинатор к мосту через реку, кишащую крокодилами и пираниями.

Антипрививочник: Скажите, насколько надежен этот мост?

Инженер: Надежен на 99,9%.

Антипрививочник: Как? Целая 0,1%, что он обвалится? Тогда я вплавь.

Это не что иное, как частный случай формалистского острашения. Острашение позволяет смотреть на ситуацию «извне» и тем самым видеть ее абсурдность. Пример «кривого зеркала» настолько продуктивен, что становится моделью порождения большого количества текстов. Приведенный ниже текст про шины, несмотря на свою длину (здесь цитируется только фрагмент), в восемнадцать раз популярнее в социальных сетях, чем любой из упомянутых выше анекдотов. Причина такой популярности, видимо, как раз заключается в предельном обнажении приема: сплошном перечислении якобы научных аргументов противников прививки.

«Друзья, в ближайшее время разномастные мошенники и официальные власти начнут призывать вас сменить летнюю шину на зимнюю. Алчные производители шин, псевдоинженеры, продажные журналисты и блогеры со всех щелей будут уговаривать вас заплатить космические деньги за абсолютно ненужный и даже опасный продукт. Не поддавайтесь и не становитесь рабами мирового шинного закулисья. Зимняя шина – фейк. Вот несколько фактов о которых умалчивает современная наука и производители. [...]

Состав зимних шин неизвестен и до конца не изучен. Шинная мафия продает нам какую-то непонятную смесь.

На зимних шинах разбиваются и гибнут еще больше, чем на летних. Зимняя шина не дает 100% гарантии от ДТП. Тогда зачем нас загоняют на шиномонтаж? [...]

В Конституции ничего не написано про обязательное использование зимних шин» (орфография и пунктуация оригинала).

ПЕРЕМИРИЕ: КОГДА СЛАБЫЕ ОБЪЕДИНЯЮТСЯ

Выше мы описывали ситуацию, когда граждане – противники или сторонники вакцинации – направляли свое «оружие слабых» друг против друга. Однако иногда носители противоположных точек зрения объединяются и пользуются одним и тем же оружием. Я говорю об анекдотах про особенности

российского локдауна и российской политики в отношении коронавируса. Оба воображаемых сообщества высмеивают политику властей, и такие шутки распространяются в пабликах и *Telegram*-каналах почти вне зависимости от позиции по вакцинации.

Так, например, противоречивая политика борьбы с коронавирусом в России в начале эпидемии (официальные медиа описывали страшную ситуацию в Италии, но говорили, что в России все будет хорошо) привела к тому, что уже с 10 марта 2020 года начинает распространяться анекдот: «При пересечении границы России коронавирус теряет свои патологические свойства и становится обычным ОРВИ». Непоследовательность российских мер (то вводится жесткий карантин, то он отменяется) породила язвительный народный комментарий:

Есть три способа борьбы с ковидом.

- 1) Китайский: жесточайший карантин, вбухать кучу денег.
- 2) Шведский: ничего не делать.
- 3) Российский: объявить китайский, реализовать шведский, разницу – своровать.

Навязчивость российской вакцинационной политики приводит к тому, что и сторонники, и противники прививок от коронавируса охотно репостили анекдот о вакцинации «Спутником». Примечательно, что сам анекдот появился через несколько часов после того, как в декабре 2020 года было объявлено о старте вакцинационной кампании. Необычна и его форма – это явная пародия на те самые страшные легенды о зараженных СПИДом иглах, которые злоумышленник оставляет в сиденье кинотеатра. Обратите внимание на характерное для страшных историй оформление:

«Ужас, ПРОЧИТАЙТЕ!!! В кинотеатре “Комсомолец” зрительница села на кресло и почувствовала боль от укула в ногу. Когда она присмотрелась, увидела еле видную иголку в кресле, которая выглядывала примерно на 3–4 миллиметра, а также записку: “Вы только что вакцинировались «Спутником V»”» (орфография и пунктуация оригинала).

Отказ российской политической элиты публично подавать пример вакцинации (вспомним, сколько ждали вакцинации Путина, и до сих пор у многих есть сомнения, привился ли он) привел к появлению нового анекдота:

- Путин точно привился?
- А он хоть раз обманывал?

И наконец, особое недовольство у сторонников и противников вакцинации вызывает отсутствие поддержки малого биз-

неса в ситуации локдауна и тот факт, что оплата «нерабочих дней» возлагается не на правительство, а на предпринимателей: «Заходит Путин в бар и говорит: “Всем пива! За счет заведения!”»

АЛЕКСАНДРА АРХИПОВА
БЕРЕГИСЬ ПОКЕМОНОВ...

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: СИМВОЛИЧЕСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ВЫХОДИТ НА УЛИЦЫ

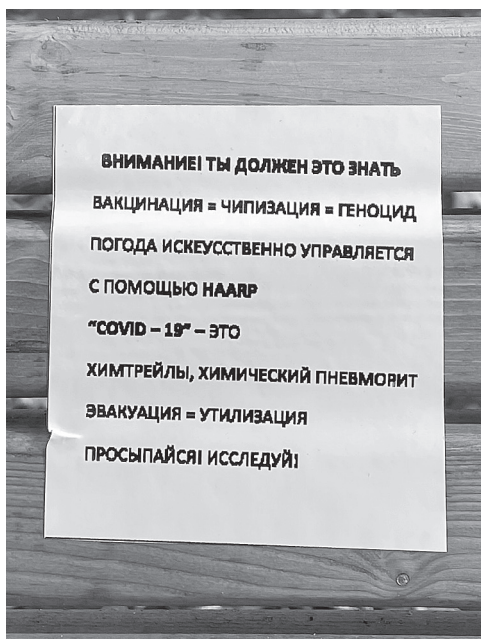
Как мы помним, теория скрытых и публичных транскриптов Джеймса Скотта динамична. Периоду открытого протеста всегда предшествует период, когда скрытые транскрипты постепенно покидают территорию кухонь и стен туалетов, начинают обретать более заметную форму и захватывать публичное пространство, контролируемое сильными.

Когда я начинала писать эту статью, в начале лета 2021-го, все описанные выше скрытые транскрипты были действительно скрытыми. Слухи и анекдоты распространялись устно, в *WhatsApp* и *Telegram*-каналах, хотя иногда их выкладывали для публичного обсуждения. Никто почти еще не делал их частью граффити или протестного плаката.

Но, когда в ноябре 2021 года статья подошла к своему логическому завершению, ситуация в России значительно изменилась. Противники вакцинации, обретя свой язык сопротивления и свою публичную идеологию, выражаемую с помощью этого языка и фольклорных текстов, стали публично представлять себя как сообщество угнетенных. Теперь уже скрытые транскрипты используются не в закрытых чатах и кухонных беседах, но стали появляться на граффити и плакатах. Ровно этим языком говорят участники 52 акций протеста против обязательной вакцинации, которые прошли в ноябре 2021-го. Более того, противники вакцинации и QR-кодов теперь ведут «войну» на совершенно другом уровне. Они начали взламывать публичные транскрипты и захватывать публичное пространство, которое принадлежит сильным. В октябре–ноябре 2021 года мои коллеги стали свидетелями, как этот захват происходил: вот на скамейке парка в Москве размещена листовка (илл. 3), вот в Петербурге прямо на асфальте противники вакцинации оставляют сообщение, что «вакцинация – это смерть» (илл. 4), а вот исправляют публичные транскрипты с информацией о вакцинировании (илл. 5–6 и 7–8) – и послание получает противоположный смысл.

И это чрезвычайно захватывающий материал. Но уже для другой статьи.

Илл. 3. Стикер на скамейке в парке. Москва. 2 октября 2021 года. Фотография Ирины Костериной.

Илл. 4. Надпись на дороге возле Гагаринской улицы, Санкт-Петербург. 1 ноября 2021 года. Фотография Артемия Плеханова.

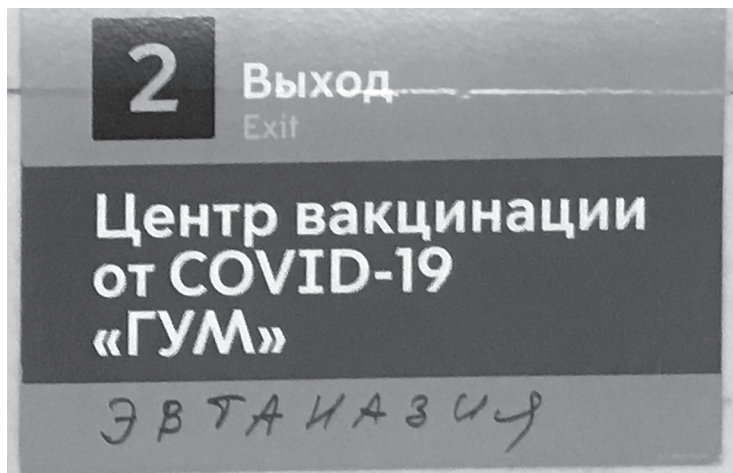
Илл. 5, 6. К объявлению о вакцинации прикреплено противоположное по смыслу сообщение. Санкт-Петербург. 19 ноября 2021 года. Фотография Федора Веселова.

АЛЕКСАНДРА АРХИПОВА
БЕРЕГИСЬ ПОКЕМОНОВ...

*Илл. 7, 8. Женщина
приписывает слово
«эвтаназия» к указателю на центр вакцинации. Станция метро «Китай-город», Москва. 16 ноября 2021 года. Фотография Екатерины Белоглазовой.*

ЭКСПРЕССИВНЫЕ НЕОЛОГИЗМЫ, ВЫРАЖАЮЩИЕ ОТНОШЕНИЕ К ВАКЦИНАЦИИ, КОРОНАВИРУСУ И ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫМ МЕРАМ. ЧАСТОТНЫЙ СЛОВАРЬ

Перед вами – частотный словарь экспрессивных неологизмов, показывающих эмоциональную оценку коронавируса, вакцин от коронавируса, сторонников и противников вакцинации от ковида и ограничительных мер, в том числе локдауна и QR-кодов.

Этот словарь составлялся следующим образом: в ходе мониторинга социальных сетей, наблюдения и интервьюирования я находила новые лексемы, а затем через анализатор сетевых данных «Медиалогия»⁴⁷ смотрела, насколько часто это слово встречается в российских социальных сетях (напомним, что «Медиалогия» практически не «видит» содержимого мессенджеров). Конечно, поиску легко поддаются неологизмы, не имеющие другого значения, например, *ваксер* или *антиваксер*. Легко искать слово, например, *шмурдяк*, потому что первичное значение (дешевый алкоголь) сейчас уже не используется. Однако некоторые слова, например, *чипирование*, могут встретиться в разных ситуациях, например, в объявлениях о продаже щенка или о походе в ветеринарную клинику для чипирования домашнего любимца. В такой ситуации я пользовалась *методом ограничения контекста*. В поисковом запросе рядом с целевым словом указывались ключевые слова, которые должны исключить неподходящую ситуацию из выдачи или, наоборот, сузить контекст до желаемого. Кроме того, поскольку эти слова только что возникли и не имеют устоявшегося словарного облика, в поисковом запросе я учитывала все варианты написания одной и той же лексемы, например, *барановирус* и *баранавирус*.

Таким образом, цифры, которые вы видите в этом частотном словаре, показывают не абсолютную популярность ковидных неологизмов в период с 1 августа по 10 ноября 2021 года, но нижний предел этой популярности.

⁴⁷ Сервис «Медиалогия» получает данные из порядка 1500 платформ, включая социальные сети («ВКонтакте», Facebook, Twitter и другие), YouTube, блоги, в том числе автономные, форумы, комментарии к текстам онлайн-СМИ.

Частотный словарь ковидных неологизмов
(1 августа – 10 ноября 2021 года).

Неологизм	Число упоминаний	Неологизм	Число упоминаний
чипизация/чипирование	533 650	ковид-скептик	1436
уколизация/уколотые	193 755	фуфлокарantin	1316
антиваксер	181 233	[...]код ⁴⁸	1234
ковид-диссидент	93 523	ковидлобес/ковидлобес	878
жижа/жизизация/ жизизировать/жизизатор	92 782	вакци-наци	660
антипрививочник	83 321	квакцина	632
коронабесие	78 330	фикцинация	594
шмурдяк	74 891	хреновирус	394
барановирус	54 263	фейкодемия	260
ковидла/ковидло	30 672	кар-кар коды	198
факцина/факцинация	8 474	Шпунтик [«Спутник V»]	160
лохдаун	22 915	привитыш	159
намордник	21 935	подбородочник	125
ковикулы	17 534	голоносик	118
безмасочник	16 176	путикулы	116
антивакцинатор	11 883	прививашки	114
прибивки/прибитые	11 165	голомордый	91
куриный код [QR-код]	9737	баранобесие	69
масочник	8904	ужализация	57
прививочник	8869	коровобесие	42
ваксер	8368	подносник	36
покемон [вакцинированный]	6064	паникавирус	34
ковидо-фашист	4423	ковид-лоялист	29
антимасочник	3906	коронапофигист	28
фуфлодемия	2964	антивакционщик	24
макароновирус	392	ковид-правоверный	5
ковидиот	2315	бескуарник	4
фейковирус	1665	вакционщик	2
овцинация	1564	бессмертные	1
вакциноскептик	1492	вакцинатнутые	1

48 К сожалению, редакция не может целиком привести здесь слово, важное для понимания лексического аспекта «холодной гражданской войны» времен коронавируса. Оно составлено из созвучной слову «куар» производной от известного практически каждому носителю русского языка обценного существительного и слова «код». Прискорбная пугливость российского государства в отношении разнообразных проявлений родного языка – которые к тому же даются в чисто академических текстах – не позволяет нам оставить в таблице это слово в том виде, в котором оно существует в исследовании Александры Архиповой. Ханжество и цензура, характерные для нынешнего периода истории России, в очередной раз вошли в противоречие с интересами научного знания. – *Примеч. ред.*

